

ОТЩЕЛОВИК

Издательство «РАЙХЛЬ»

Неустановленный автор Отшельник. Жизнь в школе Белого братства в Гималаях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8886024

Отшельник. Жизнь в школе Белого братства в Гималаях / Под редакцией Феликса Шмидта: Отто Райхль; Москва; 2009

ISBN 978-3-87667-402-5

Аннотация

В Индии автору встречается великий мастер «Белого братства». Под глубоким впечатлением от силы его личности он просит мастера взять его к себе учеником. За несколько последующих лет в одном из монастырей Белого братства в Гималаях он проходит все уровни посвящений и, наконец, сдает последний, самый трудный экзамен, после чего сам становится мастером. Увлекательно читающиеся воспоминания автора об этом периоде его жизни дают, к тому же, живое представление о сущности и значении этой легендарной общины для духовного развития человечества.

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Немецкий мистик представляется широкой публике	8
Отшельник впервые слышит о «посвященных»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Отшельник. Жизнь в школе Белого братства в Гималаях Под редакцией Феликса Шмидта

Предисловие

Настоящее второе издание «Писем отшельника» содержит некоторые изменения, которые наверняка встретят благосклонный отклик у читателя. Если первое, уже полностью раскупленное издание, вышло в свет в том виде, в котором его получил редактор «Писем отшельника», то второе снабжено подзаголовками, чтобы лучше отобразить увлекательное содержание книги.

Публикация «Писем отшельника» стала настоящей сенсацией. Ведь благодаря им мир впервые узнал, что среди так называемых «посвященных», которых называют еще «Великим Белым Братством», есть не только англичане и американцы, а представители всех наций, в том числе и немецкой. До той поры этот факт оставался неизвестным.

В книге без тени таинственности или желания что-либо скрыть, подробно описано то, как этот посвященный немец, называющий себя просто «отшельником», вступал в контакт с широкой публикой. Кроме того, в «Послесловии» даны разъяснения к различным вопросам, которые могут возникнуть у читателя. Поэтому этот труд представляет собой наиболее ясную и безупречную публикацию о становлении всех так называемых «инициантов», о которых, наверное, каждый однажды слышал, но толком не знал, кто они такие, чего хотят и что из себя представляют. И вот теперь пояснения дает немецкий «посвященный» — подробно и основательно, как приличествует истинному немцу.

ФЕЛИКС ШМИДТ, редактор

Июль 1987 года *Издательство «Райхль», Санкт-Гоар,
ФРГ*

Введение

Имя нашего автора неизвестно. То немногое, что мы знаем о его происхождении и молодых годах, почерпнуто из его собственных скупых откровений. Гвардейский офицер, он был тяжело ранен во время войны 1870–1871 гг. Его уже ничто не удерживает, и он навсегда покидает родину. После долгих путешествий автор попадает в Индию, где навещает английских друзей, живущих в шикарном поместье у подножия Гималаев. Там его открытая рана на ноге полностью заживает под умелыми руками индийского слуги. Слуга, член Белого Братства, специально приставлен к нему, чтобы направить его на духовный путь. Тот же слуга способствует его встрече с Мастером. Глубоко тронутый личностью Мастера, он просит «отшельника» принять его в монастырь Братства и подчиняется строгим правилам многолетнего обучения. Его повествование о том, как он преодолевал ступени, ведущие к мастерству, удивительно и в высшей степени поучительно. Все это испытания, которые должны пройти все «посвященные», но они описываются в такой простой и ясной форме, что, несмотря на некоторые кажущиеся неправдоподобными факты, никто не может усомниться в достоверности сообщений.

Когда, успешно выдержав все испытания, «отшельник» сам становится Мастером, его посылают в мир, и он живет

как простой фермер в одном из южных штатов США.

«Письма отшельника» впервые появились как разрозненные сообщения с продолжением в одной немецкоязычной газете, выходящей в США, а затем вышли в форме книги. Ее отдельные экземпляры, попавшие в Европу, получили высокую оценку в эзотерических кругах и хранились их обладателями как большая ценность. Мы счастливы предоставить этот необычный труд на суд российского читателя.

Немецкий мистик представляется широкой публике

Это было в начале мая 1940 года. Редактору немецкоязычной газеты, выходящей в немецком издательстве на Среднем Западе США, который заведовал еще и «Колонкой читателей», пришло письмо, подписанное так: «Отшельник из Скалистых Гор Монтаны». Письмо было следующего содержания:

«Я, без сомнения, самый старый читатель этой газеты, мне 94 года. Я живу на юго-западе штата Монтана на маленькой ферме, практически отрезанной от какого-либо транспортного сообщения. Я и вправду, почитай целый год, не вижу ни одного чужака, кроме тех случаев, когда еду на своем старом «Форде» в ближайший городок, чтобы забрать ту незначительную почту, которая мне приходит. Зимой из-за снега иногда неделями на машине невозможно проехать. Тогда я со своим верным Филосом, большим кобелем породы русская борзая, иду в городок пешком. Обычно с осени я запасаясь консервами на всю долгую зиму. Так как почту я забираю лишь время от времени, то газет набирается сразу за несколько недель, и зимой я – зачастую все дни и ночи – провожу за чтением. Я совсем один, и когда однажды умру, то, вполне вероятно, что меня вообще никто не

хватится, и я буду здесь тлеть, пока кто-нибудь случайно не пройдет мимо. Ведь никакой «настоящей» дороги к моей ферме нет. Когда весной, летом и осенью на своем старом «Форде» я еду домой, то в определенном месте просто съезжаю с главной дороги в сторону, а следы шин скоро замечает ветер. Я по-прежнему бодр и свеж? Да, это так. Те немногочисленные знакомые, что видят меня, когда я делаю покупки, дают мне не больше шестидесяти. Жители городка считают меня ученым, занимающимся геологическими исследованиями. И это хорошо. Я большую часть жизни был один и хочу остаться один до конца жизни — только с моим Филосом. Ну, а теперь читатели, верно, захотят узнать, что же я за чудак такой. В молодые годы я покинул Германию, после того, как молодым гвардейским офицером прошел германо-французскую войну, получив ранение. Рана никак не хотела заживать. У меня имелись деньги, так как я был единственным сыном, а родители вскоре после войны умерли друг за другом. Я уехал из Германии, собственно, только для того, чтобы найти место, где могли бы залечить мою рану. Совершив путешествие по Северной Африке, я дошел до Индии, где поднялся в великолепный Кашир, скрытый невысокими горами. Там я познакомился с индийским философом и «святым», многому меня научившим — в частности, тому, как мне самому залечить рану с помощью живущей во мне силы. Но это была далеко не вся его наука. Он научил меня видеть будущее и прошлое. Обо мно-

гом я не имею права писать, но кое-что могу предать гласности. Так как в последнее время здесь часто стали публиковаться так называемые откровения, я подумал, что кое-что из моего личного опыта может заинтересовать читателя. При случае я с удовольствием напишу об этом, но у меня есть одно условие к редактору «Колонки читателя», а именно: ни при каких обстоятельствах не разглашать мою фамилию и адрес. Редактору «Колонки читателя» я полностью доверяю, тем более, что, судя по его рубрике «Мысли и наблюдения», он, как мне кажется, глубоко мыслящий человек, философ и, прежде всего, очень религиозный. На сегодня все. Как только получу от редактора «Колонки читателя» заверение в том, что он ни при каких обстоятельствах не разгласит мой адрес, напишу больше».

Содержание этого письма необычайно увлекло редактора – во-первых, как газетчика, который всегда рад получить интересный материал для своих читателей, а, во-вторых, потому, что редактор сам уже много лет занимался философскими проблемами, которые обозначил его корреспондент. Поэтому он ответил «отшельнику», что тот может быть уверен, что никто не узнает его фамилии и адреса. И это вовсе не было какой-то особой привилегией. Тем неожиданнее было для редактора, что гарантия конфиденциальности, которую он по желанию давал любому другому читателю, позже давала повод для различных подозрений, лишенных малейших оснований.

Итак, редактор «Колонкой читателя» заверил «отшельника», что он, как и всякий другой корреспондент газеты, имеет право на анонимность. После этого от «отшельника» пришло очередное письмо следующего содержания:

«Я прочел предложение редактора «Колонки читателя» написать о моих приключениях в Кашире. Кроме того, я получил его заверения, что он никому не даст моего адреса. Я верю и доверяю редактору «Колонки читателя». Он лично со мной не знаком, но я знаю его лично, так как уже несколько раз посещал его во сне, показывал ему пейзажи и идеальные условия жизни, что, проснувшись, он считал только снами, но что на самом деле было чем-то большим, чем сон. Иногда он, казалось, догадывался, что каким-то образом вступил в связь с невидимыми силами, но так как уверенности в этом у него не было, то он об этом особенно не задумывался. Что ж, я могу ему сказать, что он небызвестен в определенных кругах среди людей, причастных к философии, о которых я еще буду писать. В этих кругах он слышит очень продвинутом человеком – прежде всего потому, что безропотно выполняет все задачи, какие бы ни ставила перед ним жизнь и судьба. Эти качества очень важны для развития человека. Люди, ищущие лишь сенсации, а когда страсть к ней, как им кажется, остается неудовлетворенной, тут же обращаются к чему-то другому, так и порхают постоянно в течение всей жизни между бесчисленными теориями и воззрениями, не могут развиваться гармонично, потому

что мешают себе собственной же нестабильностью. Совсем другое дело, если человек изменяется благодаря внутренней трансформации, не соблазняясь никакими сенсациями. Так следует поступать каждому. Ни один человек не должен покрываться коростой, но в своих устремлениях никому не следует жаждаť сенсаций и не гнаться только за собственной «личной выгодой». Теперь, получив желаемое заверение, я знаю, что редактор скорее даст себя убить, чем сообщит кому-то мой адрес. Поэтому я готов через «Колонку читателя» в серии статей описать свои удивительные приключения, насколько смогу и насколько имею право, ведь я связан определенными обязательствами, так как кое-что, из того, что я знаю и чему научился, было бы опасно предавать гласности. Я чувствую, что в скором времени сменю земное существование на более прекрасное, которое мы, люди, привыкли называть «смертью». В действительности «смерть» — истинное возрождение души на ее родине. Это «душевное возрождение», именуемое «смертью», мы проходим осознанно в отличие от земного рождения, проходящего незаметно для нашего сознания. Поэтому человеку и кажется, что «смерть» тяжелее, чем земное рождение. Я пишу «кажется», и это действительно так. Ведь как только человек узнает, что «смерть» — это, собственно, душевное и духовное пробуждение, страх смерти полностью исчезает. Я очень хотел бы, по крайней мере, избавить всех моих земляков от страха смерти. Он напрасен. Но чита-

тели поймут это, лишь когда прочтут мои письма. С сегодняшнего дня я буду регулярно отправлять послания, но прекращу это делать, как только письмо какого-то читателя придет непосредственно ко мне. Это будет означать, что мой адрес все же стал кому-то известен. Только редактор «Колонки читателя» имеет право мне писать, и я прошу его ни в коем случае никуда не записывать мой адрес, а выучить его наизусть. Я собираюсь сообщить своим землякам обо всех своих приключениях, но не хочу, чтобы меня беспокоили письмами, адресованными лично мне».

Редактор газеты, он же заведующий «Колонкой читателя», не мог и мечтать о том, что «ПИСЬМА ОТШЕЛЬНИКА» (так называли рубрику, в которой они публиковались) взбудоражит умы сотен и сотен читателей. Редакцию буквально завалили письмами. В основном они содержали вопросы личного характера, которые пересылались «отшельнику». Тот писал в ответ:

«Благодарю за пересылку писем читателей. Несколько громадных мешков с письмами привлекли в маленьком городишке, где я забираю свою почту, всеобщее внимание. Надо мной стали подишучивать, спрашивать, не поместил ли я в газете брачное объявление, т. е. не собираюсь ли я жениться? Иначе откуда сразу столько писем?

Прежде всего, я еще раз хочу подчеркнуть, чтобы никто из корреспондентов не рассчитывал на личный ответ от меня. Мое местожительство должно оставаться неиз-

вестным. Это было условием, при котором я начал писать. Редактор обещал мне это, и теперь – мне очень жаль его – ему приходится нести все бремя переписки. Я отсылаю ему письма читателей со своими комментариями, предоставляя выбор ему самому – печатать ли ответ в газете или самому отвечать на то или иное письмо. Боюсь, что на последнее у него будет не очень много времени. Из сказанного читатели поймут, что они никогда не получают посланий непосредственно от меня, а только опосредованно – через редактора».

Однако постепенно в письмах стали появляться подозрения и критические замечания. В основном такого рода: «Отшельник – ловец душ! Он хочет завлечь нас в какую-то секту!»; «Стиль писем отшельника – это стиль редактора «Колонки читателя»; «Откуда взялся этот «отшельник» среди нас, немцев? Что кроется за этим?» На все эти замечания сам «отшельник» ответил следующим образом:

«...Прежде чем я начну описывать то, что я пережил сам, как и то, что мне поведали «святые люди» Индии о смерти, я хотел бы категорически заявить, что речь идет о публикациях, с помощью которых я никоим образом не собираюсь ни пропагандировать что-либо или кого-либо, ни кого ни во что обращать. «Отшельнику» совершенно все равно, какую религию исповедует тот, кто читает эти строки. Ему также все равно, верит кто-то его словам или нет. Он хочет в духе истинного землячества сообщить читателям

этой газеты сведения, которые без сомнения кому-то позволят обрести внутренний мир и покой, которых этот кто-то, может быть, давно искал. Поэтому каждый может и должен оставаться верным своей вере; только, может быть, в будущем он еще глубже познает свою собственную религию...»

Неделю спустя, «отшельник» еще раз возвратился к упомянутым упрекам в свой адрес:

«...Среди многочисленных писем, пересылаемых мне редактором «Колонки читателя», встречаются такие, которые меня просто поражают, доказывая, как хорошо, что я представился своим землякам через посредничество редактора «Колонки читателя». Прежде чем перейти к конкретным вопросам, я хотел бы высказать одну просьбу. Весьма вероятно, что редактора «Колонки читателя» в его роли посредника неправильно понимают, или ему инкриминируются мотивы, не соответствующие действительному положению вещей. Поэтому я уже сейчас хочу попросить всех корреспондентов «Колонки читателя»: держитесь редактора, ведь без него вы никогда бы не услышали обо мне! Для моих сообщений мне необходим человек, достаточно развитый, хорошо понимающий меня. Таким человеком оказался редактор «Колонки читателя», ведь, как еще будет сказано далее, он получает от меня сообщения не только в письмах, но и «иным способом», объяснение которого сейчас завело бы нас слишком далеко. Так как в последнее вре-

меня связь «иным способом» между мной и редактором становится все лучше, то однажды она может стать единственным способом общения...»

Подозрения относительно того, что «Письма отшельника» написаны в стиле редактора «Колонки читателя», «отшельник» прокомментировал следующим образом:

«...Как я уже подчеркивал, я ни за что бы не стал писать в «Колонку читателя», если бы его теперешний редактор не был человеком, досконально знакомым с материей, о которой я ему сообщаю, и в своем душевном и духовном развитии был бы достаточно продвинут, чтобы верно передавать мои короткие сообщения. Но так как никто не в силах освободиться от своего стиля, своей манеры письма, то публикации моих сообщений выдержаны в стиле редактора «Колонки читателя». Сообщения как таковые подлинные и написаны мной, «отшельником», но текстовые формулировки принадлежат редактору «Колонки читателя». Дело в том, что мой немецкий не так хорош, чтобы писать так же безупречно, как пишет он. Кроме того, я могу передавать ему свои сообщения разными способами и не только в письменной форме. Так что не нужно удивляться тому, что мои «письмена» в значительной степени выдержаны в его стиле, потому что именно ему приходится обрабатывать мои сообщения, делая их пригодными для печати...»

На возмущенные вопросы: «Почему этот «отшельник» вдруг выступает среди нас, немцев? Что все это означает?»

«ОТШЕЛЬНИК» ТОЖЕ ОТВЕТИЛ ЛИЧНО:

«...Вот еще такое замечание: почему я вдруг стал писать в «Колонку читателя» немецкой газеты? Основная причина в том, что мы живем в очень серьезное время, и что всему человечеству в ближайшие годы предстоят тяжелье времена. Так как эта газета имеет очень широкую сферу распространения, то я думаю, что смогу дать своим землякам утешение, открыв им глаза на смерть. Пусть еще одним утешением им будет знание того, что смерти вообще нет, что умирание – процесс почти безболезненный и естественный, и что после этого жизнь продолжается. Хотя среди «продвинутых людей» есть представители всех национальностей, до сих пор об этом говорили практически только англичане и индийцы. Мои сообщения должны донести до немцев информацию о том, что среди продвинутых людей есть и их земляки, и что, таким образом, любой человек, в том числе и немец, может быть принят в ряды продвинутых людей, как только придет время! На этот раз я посылаю ответ на некоторые вопросы и письма и прошу редактора «Колонки читателя» подготовить соответствующие письма от редакции. В заключение еще раз замечу, что буду поддерживать связь с читателями газеты, лишь пока «Колонкой читателя» заведует его теперешний руководитель. Только с ним, человеком, который не пьет, не курит, не ест мяса, я могу поддерживать связь, существующую в настоящее время между ним и мной, а, тем самым, и между чи-

тателями газеты...»

Так как «отшельник» никоим образом не собирался производить какого-либо рода сенсаций, и точно так же, как и редактор «Колонкой читателя» был удивлен резонансом, который вызвали его публикации среди читателей этой немецкоязычной газеты, он на несколько недель перестал писать в газету письма, однако был готов и впредь отвечать на вопросы. Поэтому редактор «Колонки читателя» переслал «отшельнику» все последние письма, которые тот, снабдив замечками на полях, послал обратно редактору для обработки. Теперь работы у редактора стало, пожалуй, слишком много, ведь он не мог публиковать все ответы в газете, а был вынужден отвечать некоторым читателям в частных письмах, так как речь шла об очень личных проблемах.

Когда через какое-то время «отшельник» возобновил свои сообщения, со стороны читателей последовал ряд нападков на него, которые редактор «Колонки читателя» тоже опубликовал. На эти нападки последовала реакция из круга читателей, а затем – также из круга читателей – пришло предложение об издании особой газеты, которую противникам «отшельника» просто не нужно было бы читать. На это предложение «отшельник» написал следующее:

«...Решение об издании особой газеты может быть принято только редактором «Колонки читателя». Как уже было сказано, дела земные почти не интересуют меня. Я только хотел подробно рассказать своим землякам о том,

что испытал на собственном опыте. Суть упомянутого здесь предложения сводится к организации особого издания, так как то множество проблем, которых я касаюсь, не может быть рассмотрено в такой газете как эта с ее многочисленными и столь разными читателями. Кто поддерживает это предложение, пусть обратится по этому поводу к редактору «Колонки читателя». Я не хочу иметь с этим ничего общего. Если он все же захочет взвалить на свои плечи такую дополнительную работу, то это его дело. Но нельзя забывать, что такое особое издание стоит денег. Но нельзя и ожидать от редактора «Колонки читателя», что он возьмет всю работу на себя, да еще и пожертвует на это свои деньги. Насколько я знаю, он не располагает сколько-нибудь значительными земными благами... Это все, что можно написать в газету, которую читают в том числе и люди, которых сказанное здесь не интересует. Для подробного освещения всех этих вещей и множества других проблем необходим особый журнал...»

Хотя 99 % читателей были на стороне «отшельника», один процент по-прежнему присылал критические письма, которые редактор «Колонки читателя» так же, как и все прочие письма, добросовестно обрабатывал и публиковал. Поэтому «отшельник», в конце концов, прекратил свои сообщения, написав прощальное письмо:

«...Среди писем, которые мне пересылают из редакции, в некоторых выражается возмущение моими сообщениями-

ми. По этой причине я этим письмом прощаюсь с читающей публикой, потому что не могу допустить, чтобы мои высказывания возбуждали какое бы то ни было недовольство. Это не только претит моим принципам, но и означало бы злоупотребление любезностью газеты и терпение редактора «Колонки читателя». С ним я по-прежнему остаюсь в контакте, и только он может пересылать мне письма. Я знаю, что многие, очень многие читатели будут сожалеть о том, что я замолчал. Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть, что по-прежнему готов писать для специального журнала, если редактор «Колонки читателя» возьмется еще и за эту работу. Правда, на журнал у него нет денег. Если же деньги у него появятся, то я смог бы и дальше писать свои сообщения. Каждый читатель заранее знал бы, чего ему ожидать от такого журнала, и мог бы либо выписывать его, либо нет. Что до меня, то я и впредь готов кратко отвечать на вопросы отдельных читателей, если такие ответы позволительно опубликовать в газете, выходящей ныне. Вопросы следует направлять редактору «Колонки читателя». Еще раз хочу подчеркнуть, что все мои контакты с читателями идут через него и только через него. К тому же мои соседи (все они живут далеко от меня) знают меня только как ученого, и никто даже не подозревает, что я долго пробыл в Индии и окончил там школу инициантов. Но им и не нужно об этом знать, так как я хочу остаться «неизвестным ученым», ведь почести и на-

грады этого мира мне ни к чему. Прежде чем прекратить присылать свои «сообщения» в эту газету, хочу еще раз подчеркнуть, что меня подвигло нарушить мое затворничество. Так как я сам, как уже было сказано, по происхождению немец, то хочу сообщить всем читателям немецкого происхождения, что среди инициантов, некоторые из которых в настоящее время находятся здесь в Америке, есть и немцы, а не только англичане и индийцы, как это зачастую кажется. Мы, иницианты, все до одного, не обращая внимания на национальное происхождение, самоотверженно и действительно рука об руку работаем на благо нашего сообщества, которое называет себя Белым Братством и никогда не вмешивается в политику или дискуссии в сфере культуры, а только пытается направлять судьбы людей в духе прогресса человечества. Об этом можно было бы написать длинную статью. Своим выступлением среди немцев я хотел показать им, что вступить в контакт с такими инициантами можно не только через английские логи, а что это можно сделать и через живущих здесь немцев. Кроме того, я знаю, что всему человечеству, а, тем самым, и нам, американцам немецкого происхождения, в ближайшие годы предстоят тяжелые испытания. Так пусть же заверение «посвященного», что смерти нет, послужит им утешением. Мы, иницианты, несмотря на то, что некоторые из нас пришли к нам через другие религии, все до одного знаем, что есть только одно состояние, возвышающее

нас надо всем земным, и это состояние «Сознание Христа». Вот и ответ на задаваемый многими вопрос, как мы, иницианты, относимся к христианству. На вопрос, является ли то или иное воззрение верным или неверным, я хотел бы ответить, что в каждом воззрении (конфессии), где идет серьезный поиск, есть истина. Они выглядят различно только потому, что носители различных воззрений не все думают и чувствуют одинаково. Мы все знаем, сколь великолепна и прекрасна музыка. Если мы слышим плохую музыку, то причина этого не обязательно в самой музыке, а либо в фортепиано, которое может быть настроено или расстроено, или в пианисте, который может быть профессионалом или любителем. Поэтому музыка как таковая все же остается возвышенным искусством. Точно так же дело обстоит и с Божественной Истиной. Она всегда присутствует между нами, просто слишком часто по-разному воспринимается и усваивается разными людьми. При этом ни в коем случае нельзя сказать, что какая-то религия или какое-то направление мыслей правильно или неправильно. Нет, Божественная Истина всегда, во все века одна и та же, и только через «Сознание Христа» мы можем, преодолев все земные трудности и препятствия, «возродиться».

Отшельник впервые слышит о «посвященных»

Когда я оказался в Индии, там все было совсем не так, как сейчас. Индийцы жили довольно разрозненно, так как в то время еще не было индийского национального движения. Тогда в стране еще было довольно много мест, где нужно было долго искать кого-то, кто понимал бы английский и был бы в состоянии ответить тебе на английском.

Поначалу я отдался на волю судьбы без какой-либо четкой цели, но в глубине души интуитивно чувствовал, что, несмотря то, что я, казалось бы, плыл по воле волн, какая-то сила руководила, дирижировала мной, направляла меня. Так оно и было на самом деле, о чем я узнал, правда, намного позже, но о чем хочу сказать уже сейчас. Путешествовать мне было не просто, потому что после ранения, полученного на войне, мне часто приходилось менять повязку. Во время войны я получил глубокую рану в бедро, которая, изредка затягиваясь, снова и снова открывалась и начинала гноиться. Но так как в моем распоряжении было достаточно денежных средств, я мог позволить себе нанять на время путешествия слугу, который неизменно поддерживал меня с примерной верностью и, как я узнал позже, не случайно вошел в мою жизнь, потому что вскоре стал моим наставником, бу-

дучи очень и очень продвинутым человеком. Он умер всего лишь двенадцать лет тому назад в возрасте 120 лет глубоким старцем. Перед смертью он говорил мне, что мог бы благополучно прожить еще дольше, но решил не мешать природе взять свое, так как в потустороннем мире ему предстояло решить великие задачи, потому что все человечество в ближайшие годы ожидает множество тяжких переживаний и страданий вследствие войн, революций и следующих за ними эпидемий.

С этим слугой, ставшим впоследствии моим наставником (назовем его просто «Сэн»), я до сих пор, уже после его смерти все еще состою в духовной связи. Это он посоветовал мне написать редактору «Колонки читателя». Дело в том, что Сэн относился к немцам с особой сердечностью, потому что, как он мне рассказывал, в молодости, будучи сыном богатого магараджи, учился в немецком университете и, пока жил в одном из университетских городов Германии, полюбил и научился ценить немецкий народ и его страну. Теперешнюю обстановку в Европе Сэн предсказал мне еще тогда.

Я уже два года находился в Индии, прежде чем догадался, кем был мой слуга Сэн на самом деле. А произошло это так: по приглашению одного знакомого англичанина я отправился в его летний дом в Симле у подножия Гималаев. Эта летняя резиденция английского правительства, теперь расширенная до чего-то типа международного департамента, тогда выглядела далеко не так презентабельно, как сегодняшняя

Симла. Мой знакомый состоял на службе англо-индийского правительства, однако у него оставалось много свободного времени, так как его служебные обязанности были не очень обременительными. Да и вообще за исключением Пенджаба, граничащего с Афганистаном, во всей Индии царили относительный мир и покой. Мой знакомый, назовем его Лионель, был «жаворонком», как и я. Было неописуемо прекрасно по утрам с восхищением наблюдать за первыми признаками наступающего дня. Дом Лионеля стоял за пределами Симлы в начале длинной долины, другим своим концом упиравшейся в покрытые снегом горы, высотой шесть тысяч метров и более.

Восход солнца производил здесь совершенно особое впечатление. В то время как звезды начинали бледнеть, на заднем плане все четче проступали силуэты покрытых снегом горных вершин – так медленно, как изображение на стеклянной пластине при проявлении негатива. Вершины гор казались гигантскими до тех пор, пока остальной пейзаж еще был окутан мраком. Снеговые поля светились сначала нежно-розовым, затем окрашивались в более яркие красные цвета, и неожиданно и снеговые поля, и ледники будто обливало огнем, когда первые лучи солнца касались самых высоких вершин. Постепенно и внизу мрак начинал рассеиваться. Это были неописуемо возвышенные, торжественные минуты – подарок этого незабываемого, великолепного рассвета.

Лионель первым прервал наше благоговейное молчание.

Он с воодушевлением заговорил о красоте мироздания. Я соглашался с ним. Мы вели разговор о понятии «красота» и к нашему удивлению обнаружили, что не так-то легко объяснить, что это такое. Мой слуга Сэн молча слушал. В это утро у Лионеля против обыкновения было много дел по работе, и он попросил меня, когда мы вернулись в дом, после завтрака скоротать время за чтением книг в библиотеке, пока он не освободится. После завтрака я отправился в библиотеку, в которой было множество книг по самым разным областям знаний, а также художественная литература. Я подошел к полке, на которой, среди прочего, стояли переплетенные копии официальных отчетов английских геодезических комиссий, работавших в Гималаях. Наудачу и, скорее, ради курьезности материалов я взял один из томов и пролистал его. В нем содержались отчеты о геодезических работах, проведенных в Кашмире и в высокогорных долинах Каракорума, где почти все горы достигают высоты восемь тысяч метров и более. Там очень мало проходимых горных перевалов. Листая, я вдруг заинтересовался отчетом чиновника-геодезиста, в котором тот. сообщал об одном странном приключении. Отделившись от своей геодезической группы, он направился в боковую долину, упиравшуюся другим концом в жуткие и одновременно необычайно красивые высокогорные кулисы. Горные склоны, на которых не было ни одного уступа, резко, почти отвесно поднимались вверх на две с половиной, три тысячи метров. Наверху – на высоко-

горном плато — тоже возвышались крутые вершины гор с ослепительными снеговыми полями и ледниками. Как говорилось в отчете, долина, в которой оказался геодезист, уже сама по себе была высокогорной, лежавшей на высоте примерно двух тысяч метров над уровнем моря. Все еще зачарованный мощью высокогорного ландшафта, он вдруг услышал раскаты грома. Тут же с быстротою молнии со всех сторон налетели клочья облаков, покрыв самые высокие вершины. Мрачные, низко плывущие облака постепенно затянули и высокогорное плато; вершины скал окунулись в темную грядущую облаков. Яркие сверкали молнии. Раскаты грома, не переставая, грохотали в скалах. Пошел проливной дождь. К раскатам грома добавился звук бьющейся о скалы осыпи, намытой дождем, которая теперь камнепадом низвергалась в долину. Укрывшись от непогоды под выступом скалы, геодезист все никак не мог оторвать взора от высокогорных вершин, которые вновь и вновь мелькали в свете молний. Должно быть, наверху бушевала жуткая снежная буря, потому что на снежных полях появились огромные массы чистого сияющего снега. Все это представление так увлекло чиновника от геодезии, что он, вынув бинокль, продолжал разглядывать горные вершины. Неожиданно в бледном свете мелькнувшей молнии ему показалось, что на головокружительной высоте, чуть ниже одной из самых высоких вершин он увидел две человеческие фигуры, словно парившие в воздухе. Сначала он принял это за обман зрения. Но любопытство взяло верх, и

он продолжал внимательно глядеть в бинокль. Гроза прекратилась, и так же быстро, как налетели, облака стали рассеиваться. На какое-то время высокая вершина освободилась от облаков, и синее небо засияло там, где геодезист, как ему показалось, заметил людей. Он вновь направил туда бинокль и опять увидел две короткие вертикальные черточки, которые он принял за людей. Теперь ему было отчетливо видно: это действительно были два человека, шедшие по узкому мосту, казавшемуся длинной горизонтальной черточкой, висевшей над пропастью между двумя горными вершинами. Так как снизу было невозможно привлечь внимание тех двоих, находившихся на головокружительной высоте, потому что небо вновь стало затягиваться тучами и снова начал погромоухивать гром, геодезист решил все же догнать свою группу. Под проливным дождем, вскоре перешедшим в град и мокрый снег, он, наконец, добрался до группы. Когда он рассказал о своих наблюдениях, его просто высмеяли. Никто не поверил, что там наверху, на крутых склонах высокогорья кто-то еще мог находиться, и если да, то это могли быть только местные охотники, которые, наверное, заблудились. Чиновник закончил свой рассказ такими словами: «Насколько я мог рассмотреть в бинокль, люди там наверху были не охотниками, а, скорее, чабанами. Но пастухам на такой высоте делать нечего, потому что отары пасутся гораздо ниже в долинах. Позже в связи с моими наблюдениями я опрашивал наших туземных носильщиков, которые пояснили мне, что,

вероятно, это были святые люди, возвращавшиеся в свои монастыри. «Там наверху, — говорили носильщики, — в самых отдаленных долинах высокогорья есть места, где, отрешенные от мира, живут святые люди. Некоторым из них уже много сот лет». На мой вопрос, что эти святые люди там делают, туземцы ответили, что точно не знают, но предполагают, что те молятся за людей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.